

ПАРВИН

РАССКАЗЫ

Перевод Наргиз ЭФЕНДИЕВОЙ

Аптека «Море»

«Капитан, я так устал!»

Н.Хикмет

Зима с весной будто в гонку пустились! Я тру руки, от холода пальцы свело судорогой. «Разве такой должна быть погода в марте?» – ворчу себе под нос.

– Ну да, бесчинство же... Ждали, что придет пора Новруза, и погода изменится. А сейчас – это что за погода, не разберусь. А еще снег обещали, эх... Наверху не обращают ни на что внимания, говорят так... Бедняку подавай лето... Может, я неправ?

– Хмм...

– Нельзя так, мы все молчим-молчим, так совсем наглеют. И ты, моя сестра...

– Пожалуйста, впереди сверните на улицу Хагани. Остановите перед аптекой на правой стороне...

– Вот было бы советское время, посадили бы человек пять-десять, сразу бы поумнели. Так и хочется сказать: чего вам еще не хватает, ну, работайте уже...

– ... Дядя, вы куда едете, я же сказала свернуть на улицу Хагани!

– Ах, так это ж улица Низами. Чего ж ты нервничаешь, дочка... Низами был поэтом не меньшей величины, чем Хагани... Сейчас развернись.

Будто дятел долбит крышу машины. В это время года идет град. Голова болит от его звука. А с другой стороны – пробки. На свете не может быть большей напасти, чем ворчливый муж и без конца говорящий таксист. Таксисты – это отдельная тема. Будто в засаде ждут, только попадется им в руки кто-то, свалит на него все свои проблемы, начиная от цен на бензин и заканчивая секундной разницей светофора...

– Да, остановите здесь на минуту, не выключайте счетчик, скоро вернусь.

– Не спеши.

Эти строительные компании полагают, что «извинившись за беспокойство», могут повергать нашу жизнь в пучину грязи и пыли. Я, как и таксист, на все ворчу.

– Здравствуйте. У вас есть это, первое, лекарство?

– Сейчас нет, но если захотите, привезем к завтрашнему дню. Только нужно заказать не менее 10 ампул.

– Но ведь здесь врач прописал всего три ампулы...

– В любом случае, вы нигде не найдете его. Вы нас тоже поймите, ведь мы только из-за вас сделаем специальный заказ. У нас ведь тоже должна быть выгода с этого, разве у нас не должно быть дохода? Ей-богу, аренду подняли, мы в этом месяце работали в убыток. А врачи только своим знакомым...

Ну, так, да... Ну и влипли. Сейчас она выльет на меня все проблемы: поддельные лекарства, препараты с истекшим сроком, неправильное лечение больных, ошибки врачей.

– Я поняла, ханым, не нервничайте. Но мне нужно на сегодня, прямо сейчас, я оставила дома больного ребенка. Не могу ждать до завтра. Может, я узнаю в других аптеках? Говорите, нигде не найду?!

– Не верите, возьмите и позвоните. В этой книжке есть номера всех близлежащих аптек...

– Спасибо. Алло, здравствуйте, у вас есть ампулы «Лабитекс»? Понятно, простите... Здравствуйте, у вас есть «Цефтриаксон»... Здравствуйте, ханым, пожалуйста, посмотрите ампулы «Лабитекс», есть ли они у вас в аптеке? Нет, для детей. Когда мне позвонить? ... Алло... понятно, вы не даете сведений по телефону.

– Я же сказала вам, не найдете. Да кто же ради этого убиваться будет? Закажите, завтра привезут, но – минимум десять ампул...

– Хорошо, пишите заказ... Я и задаток оставить должна, так?

– Так лекарства не покупают... мы закажем, а оно на нас останется?

– Хорошо, вот, возьмите, во сколько мне завтра подойти? Минуту, отвечу на звонок... Алло, да...

– Здравствуйте, вы хотите, чтобы ваши дети были здоровыми? Вы хотите обеспечить их чистой питьевой водой? Вы хотите, чтобы они пили экологически чистую, обогащенную минералами воду? Тогда закажите фильтры для воды «Дупдуру», проведите в свой дом родниковую воду... Наша компания проводит весенние скидки. Закажите сейчас и получите один в подарок. За покупку трех фильтров один в подарок. Здоровье ваших детей в ваших руках!

А это новый способ навязывать свой товар. Звонят, мотают нервы, а взамен – на, выпей, успокойся!

– В каком часу лекарство будет у вас? Я приду, чтобы не терять времени.

– Почем нам знать, ханым?! Не видите, какие пробки, это от нас не зависит, оставьте телефон, мы свяжемся с вами... Напишите вот сюда свой номер... Хорошо, как только заказ придет, мы предупредим вас.

– Хорошо. До свидания.

Интересно, есть ли у них медицинское образование? Наверное, они не у Гипократа научились говорить так холодно и бесчувственно. Бедный Гипократ!

– Что такое, доченька? Лекарство не нашлось?

– Нет, дядя. Давайте вперед поедем, может, в тамошней аптеке будет...

– Не видишь, какая пробка? Не знаешь, что праздник? Я все жду, что ты приедешь, заплатишь, и я поеду домой, отдохну, я живу вон в том доме, да... Только сумасшедший сядет за руль, когда такие пробки.

– Что за праздник?

– Так откуда мне знать? Раньше был Первомайский праздник... Нынче что-то похожее на него, праздник песни и пляски... Вся молодежь высыпала на улицы, дороги закрыты. Я не смогу отсюда до той стороны доехать.

– Но... Ведь... Лекарство... И погода такая холодная...

– Ай балам, я проеду один шаг, затем застряну на полчаса. Мне что же, из-за тебя вхолостую бензин жечь? Нет, ну вообще, причем тут это? Ты молодая, сойди и потихоньку дойди пешком...

– Ну, хорошо, вот возьмите. Спасибо.

Но какой же сегодня праздник? Никак не могу вспомнить. Хорошее дело, лишающий всех сил холод, сменяющие друг друга мокрый снег и град, да еще и ветер пронизывает до мозга костей, а тут, как сказал таксист, молодые развлекаются. Пусть

так. Лишь бы это лекарство нашлось. Когда ребенок болеет, я становлюсь злой, как собака. Кажется, в последнее время нервы мои расшатались. Мне и самой нужно к врачу сходить...

– Алло, да, мама. Нет, я все еще аптеку ищу. Что делает? Температура не слишком поднялась? Дороги закрыты, пришлось пешком идти. Нет, не беспокойся, мне не холодно. Лишь бы лекарство нашлось. Займи его немного, я скоро. Что еще нужно? Хорошо, поняла, по дороге куплю... Ладно, не тревожься.

Какое же удивительное материнское сердце?! Она тоже переживает из-за своего ребенка. Что ей делать, бедняжке? Ладно. Бог милостив. Так, кажется, отсюда туда и пешком нельзя пройти? Интересно, почему перекрыли здесь...

– Здравствуй, начальник, как перейти эту улицу?

– Ханым, вы что же, не видите, что здесь идет съемка? Не мешайте...

– Я спрашиваю, полностью ли перекрыта эта улица, пешком нельзя пройти?

– Я же сказал, что идет съемка... Вы можете отсюда пройти на параллельную улицу и пойти оттуда обходными путями.

– Но ведь внизу улицы, совсем близко, находится аптека, мне нужно туда, может, разрешите...

– Девушка, я тебе на азербайджанском языке сказал, что нельзя... Ты же молодая, перейди на другую улицу и иди по ней...

– Я вышла, оставив дома больного ребенка, прошу, помогите...

– Да что же такое, девушка, мне что же, из-за тебя одной нарушить работу, съемку такого количества людей? Да иди ты уже...

Хорошо хоть бабушка ребенка рядом с ним, я хоть немного спокойна. Что же это за вирус такой распространился, все болеют. Наверное, поэтому невозможно найти лекарство.

– Алло. Да, я...

– Ваш номер нам дали в детской поликлинике. Это займет две минуты вашего времени.

– Пожалуйста... В чем дело?

– Мы предлагаем вам стопроцентно органические и природные продукты питания. Если вы желаете, чтобы ваш ребенок был здоровым, энергичным и сильным, пользуйтесь предлагаемыми нами продуктами питания. Бананы прямо из Африки, картофель из Америки, специи из Индии, ананасы из Португалии...

– Нет-нет, спасибо. Если нам будет нужно, мы вам позвоним.

– Когда нам позвонить?

– Мы сами с вами свяжемся.

– Когда?

– Вот прилипpli, никогда...

Да что ж за день такой?! Я не могу пройти до аптеки, что чуть ниже по улице, а эта мне из Америки картофель привозить собирается. Ну, ладно... Кажется, аптека работает, я боялась, что из-за праздника она будет закрыта...

– Здравствуйте. У вас есть вот этот, первый препарат?

– Минуту... Это препарат из группы цефалоспоринов? Вы, наверное, знаете, что это сильное лекарство от простуды... Тогда вы должны знать, что это препарат комплексного лечения... Да, а еще вы должны принимать много жидкости. Но препарат также может вызывать грибок. Так что я дам вам и капсулы для лечения грибка.

– Да, спасибо, дайте. Но само лекарство...

– Одну минуту... Так, значит, это «Цефтриаксон»... хм... еще и для маленького ребенка... Одну минуту... Тогда вы должны выбрать капсулы от грибка в соответствии с возрастом ребенка... У нас новые...

– Я поняла, спасибо... Но у вас есть это лекарство?

– Одну минуту... Смотрите... Да, вы можете купить противогрибковую мазь.

– Куплю, и капсулы куплю, и мазь куплю... Но будет еще лучше, если я куплю само лекарство...

– Одну минуту... Да, кажется, здесь есть. Но осталась всего одна ампула... Одну минуту... Вот отвечу на телефон и посмотрю сейчас...

Приложив телефон к уху, девушка-аптекарьша начала так начала... Оказывается, иранские ученые доказали, что во время намаза человеческое сердце бьется как детское – быстро-быстро. Конец света наступит через пять-десять дней.... Все банки закروются! Ей богу, трудно обманывать детей... Ну да, кто бы мог сказать, что Лала с мужем разведется?!

У меня более не хватает терпения все это выслушивать. И мне приходится мешать разговору девушки:

– Простите ради Бога, я мешаю вашим важным переговорам, но, если возможно, дайте эту ампулу, чтобы сегодняшней укол был сделан, а на завтра я заказала...

– Так значит... А почему вы у нас не заказали? Почему всегда так, клиенты, которым мы помогаем, приносят выгоду другим... Мы тоже платим за аренду, свет, уборку, мусор... Да еще стало трудно платить работникам зарплату... Три дня, как не ем донер, экономлю. Так же нельзя. Заказали бы у нас, мы сделали бы вам 7% скидку.

– В следующий раз, ханым. Сейчас я тороплюсь, дома ждет больной ребенок...

– Одну минуту...

– Что за одна минута, полминуты... дайте мое лекарство, я пойду... Ах да, еще вату и спирт... Спасибо большое. Храни Бог ваших детей!

Легко отделалась. В противном случае эти разговоры о донере заняли бы много времени. Кажется, дорога открылась. Такси...

– Здравствуйтесь, довезете до метро «28 мая». Быстрее, пожалуйста, я тороплюсь... Алло, да, это я.

– Здравствуйтесь, я звоню из Управления по просвещению, из отдела регистрации дипломов. Вашего диплома не видно в базе в онлайн системе. Обычно поддельные дипломы не вносят в систему. Поэтому...

– Что вы такое говорите? Какой поддельный диплом? У меня почти десятилетний стаж получения высшего образования и три диплома. И все их копии хранятся в моем личном деле.

– Не волнуйтесь так, ханым. Но утром предоставьте нашему отделу оригиналы ваших дипломов. никоим образом не мешкайте. Потому что уже завтра мы должны представить отчет о поддельных дипломах. До свидания.

Будь все проклято! Сколько можно играть на нервах человека? Оказывается, Низами, как поэт, не хуже, чем Хагани. Одну минуту... Одну минуту... Эх ты, бедолага полицейский, тебе откуда знать, как надо разговаривать с женщиной? Спрашиваю у этой об антибиотике, а она мне противогрибковое лекарство всучить пытается. Поддельный диплом. Хм! Дипломы, кажется, остались среди документов на даче... Вот задача... Да пропади все пропадом, не поеду же я на дачу, оставив больного ребенка в такую погоду!

– Сердечко мое... Ангел мой маленький! Мамина умница...

Чуть приболеет и сразу капризничать начинает. Хочет, чтобы его холили и лелеяли. Слава богу, мама его хорошенько помассировала, дала много воды и чая, по сравнению с утренним состоянием сейчас намного лучше. Что может быть лучше бабушкиных методов лечения? Начиная от козьего жира и кизилового варенья и заканчивая йодовой «клеткой», все полезно...

– Температура спала. Мы с ним играли только что... Еще укол сделаешь, совсем выздоровеет. Что же ты так поздно пришла? Я волновалась, – сказала мама.

– Не знаешь, как бывает?! Сначала лекарство не могла найти, потом то из рекламных компаний звонили, то из Управления по просвещению, я чуть от злости не лопнула.

– Набрала шприц? Воздух выпустила? Давай уложим его мне на колени, а ты коли...

Маленький умнее и меня, и бабушки. Как только иглу увидел, сразу зашелся громким плачем. Кое-как уложив его, сделали укол.

– Мой хороший, мой маленький, бабушка их всех убьет. Ай, какая плохая девочка, тебе укол сделала? Ничего, скажем дедушке, побьет ее. Тсс... Да тсс... Машаллах, лучше стало деточке. Да, что ты сказала? Звонили из Управления по просвещению, что хотели?

Чтобы мама не докопалась до сути дела?! Я была бы в шоке, если бы она не спросила...

– Говорят, что не нашли мои дипломы в онлайн системе, поэтому я должна завтра утром привезти им оригиналы. Не то они посчитают документы поддельными...

Только я это сказала, как мама вышла из себя. Да уж, лучше не говорила бы.

– Так ты что же, не дала им оригиналы своих дипломов? Когда в прошлый раз были на даче, разве отец не сказал тебе увезти оттуда твои документы? Теперь в такую погоду придется тебе на дачу ехать. Я с ребенком сию, поезжай, забери папку с документами. И оденься теплее.

– Никуда не поеду. Сами пусть поищут. Дел у меня нет, что ли, чтобы в такую погоду оставить больного ребенка и ехать за дипломом на дачу!

Только я это сказала, как мама взяла разгон...

– А я для чего тут? Нельзя же быть такой безответственной. Я же сию с ребенком... Ты... беспечная... если отец узнает... Не дай Бог... Ты не справишься... В министерстве... Сына Эльвиры с работы... Нынешняя молодежь...

Переодеваясь в другой комнате, я слышала лишь обрывки фраз из пламенной маминой речи. С одной стороны, оно и к лучшему. У меня не было сил слышать упреки. Даже улучшению здоровья ребенка не дают порадоваться... Ладно. Поеду-приеду, завтра отвезу им диплом... будь проклято. Хорошо, что одна связка ключей от дачи с того раза осталась у нас. Потому что выдержать еще и папин «допрос» я не смогла бы... Еще посмотрим, найдется ли таксист, который согласится в такую погоду ехать так далеко?! А если еще и абшеронская молодежь «развлекается», то пиши пропало.

На этот раз мне повезло. Этот водитель такси был не любитель вести разговоры. Вообще не разговаривает. Машина будто скользит по гладкому, мокрому асфальту. Пока дождь бьет по стеклам каплями дождя, кусочек неба, видимый из машины, меняет цвет. Но лишь на несколько секунд.

Да уж, действительно, на всем свете не может быть трагедии страшнее, чем надоедливый, брюзгливый, сварливый мужчина. И неважно, это твой муж, отец, брат,

водитель или охранник здания... Только он начнет свои «да ну», «в общем», «не знаю», – знай, день у тебя испортился. Говорит, мол, Низами был лучшим поэтом, чем Хагани, вот я на эту улицу и свернул. Хм! Ей богу причем тут это... Ей богу, будто всех накачали анестезией. Говоришь, ребенок у меня больной, уставится в лицо как баран. Да какого лешего мне в такую погоду делать на даче? И все потому, что эти не хотят себя затруднять и вести в архиве поиски.

Машина плывет по асфальту. Чуть только погода изменится, все изъяны города сразу выйдут наружу. Выстроившиеся вдоль дороги высокие вечнозеленые деревья выглядят совсем странно. Абшерон напоминает женщин, скрывающих свое уродство под дорожкой косметикой. Он так скрылся за высокими деревьями, так раскрасил себя зелеными красками, будто мы его и не знаем. Будто это не тот серый, бесцветный, безжизненный Абшерон. Как некоторые люди, надел на себя дорогую одежду, пытается вести себя прилично. Однако в какое бы из придорожных кафе ты не зашел, тебе вместе с чаем попытаются всучить кучу старых, безвкусных конфет и кексов. Если хочешь выпить чай, то и это должна заказать, говорят: «у нас набор»... Вы еще на это кафе, «Пальма», посмотрите, на стенах там-сям нарисовали пальмы, чтобы «глаз радовали». Прямо Африка, а не Абшерон... Говорят, если хочешь, чтобы твой ребенок был здоровым, мы привезем тебе банан из Африки!

Что-то я много ворчу... Слава Богу, какие-то грусть и покой есть в этих дорогах... Вот, кажется, и погода меняется... Разве можно разобрать переменчивую погоду в Баку и на Абшероне? Хорошо хоть, солнце выглянуло. А мама еще заставила надеть этот шерстяной свитер. Я в нем сварюсь.

Свернув с шоссе внутрь поселка направо, чувствуешь: даже цвет воздуха изменился. Небо приобрело светло-коричневый оттенок. Откуда-то повеяло бархатным ароматом свежесваренного чая. Дороги поселка такие же, как раньше. Если машина проедет по этим ухабистым дорогам чуть быстрее, то можно представить себя на любимом с детства аттракционе «Веселые горки». Уже море видно. Открыв окно автомобиля, я делаю глубокий вдох. Безлюдность неогороженных дач наполняет меня грустью. Кажется, на даче тети Халимы живут новые люди. Ах да, вспомнила, в прошлом году они продали дачу свату тети Джамили, теперь там, кажется, поселились недавно поженившиеся молодые люди. Пришло бы лето, мы хоть на несколько дней переехали бы на дачу. Летом здесь прекрасно. А нынче...

– Отсюда направо... Впереди свернете налево. Остановите перед зелеными воротами справа. Да, здесь. Сколько я вам должна? Вот, возьмите. Нет спасибо, нет необходимости ждать меня.

Подхожу к дверям дачи, и сердце мое начинает трепетать. Почему? Не знаю. Пока отпирала заржавевший замок, руки вспотели, я задыхаюсь, волнуясь. Ах, этот незабываемый звук скрипящей двери. В детстве мы только этого звука и ждали, чтобы броситься к дверям и ликовать от радости из-за прихода гостей. Во двор невозможно войти, все заросло травой, колючки цепляются за подол. Каждый год нам приходилось по несколько дней работать и трудиться, чтобы привести здесь все в порядок, но затем все лето кейфовали. Единственный символ беззаботности для городских детей – это абшеронские дачи. Сбежав от жаркого асфальта найти покой и прохладу у берега моря, сдружиться с соседскими детьми... Чайные посиделки, ночные настольные игры, шутки, перешептывания до утра – все было наше, все было нашей жизнью. Ветер снес крышу беседки. Лежа там ночью, мы наблюдали за луной и звездами, слушали шум прибоя и мечтали. Иногда придумывали и рассказывали

друг другу сказки. В моих сказках бог моря Посейдон забирал девушку себе... Отвозил на далекий остров и прятал там ото всех... Ах, детство! Кажется, тетя Гюльчехра дома. Из соседей только они одни здесь и живут весь год. Хорошо делают, что в городе делать?

– Тетя Гюльчехра! – кричу я. С нашего навеса виден фасад их дома. Опять посадили во дворе базилик. Чуть поодаль подсолнухи, а за ними – наша любимая кукуруза... Аккуратно вскопанные грядки и сменяющие друг друга цвета радуют глаз. А запах базилика... Тетя Гюльчехра... Кажется, их нет дома. Наверное, у сестры. Боже, как звали ее сестру, они еще жили рядом с мечетью? Надо бы спросить у Самира, у него на такие дела память хорошая. Какая хорошая погода, будто весна пришла. А какой цвет у базилика! Человека ума лишает... Какая странная фраза: «умереть прямо здесь». Откуда она, интересно? Ах да, пока не забыла, спущусь, положу дипломы в сумку... Вернусь в город, пока не стемнело, интересно, как ребенок?! Как назло, зарядка телефона села, не могу позвонить. Тетя Гюльчехра... Их нет, как жаль. Кажется, они срезали черный тут. Все лето рты и носы у нас были черными от туты... Как было смешно, когда Самир надел ведро на голову...

Кажется, ветер поднимается. Абшерон же... А море как волнуется! Слышен звук моря. Может, на пять-десять минут к морю спущусь, еще время есть... Сколько раз мы играли в прятки на даче у тети Ханым, залезали в колодец, никто найти не мог. Внуки тети Марьям были такими форсистыми. Подумаешь, городские они, деревенских не признают... А дядя Мамед враждовал с улитками, виноградник поедают, говорил – говорил и злился. Тетя Рубаба... однажды я ошиблась и сказала ей «дядя» Рубаба... Честно признаться, она как дядя и была. Снесла нижнюю часть ограды их дачи, чтобы море было видно. Садилась там, целый день смотрела на море и иногда подкидывала щепок в самовар. Ровно за две минуты у нее вскипал самовар...

Их сосед дядя Гусейнага поскользнулся у колодца, ударился об угол бассейна, бедолага умер на месте. А дети в России... Пока они приехали, соседи похоронили мужчину и поминки устроили, как положено. Как же мы тогда испугались, маленькие были, впервые знакомились со смертью, были на поминках. Кажется, именно после того случая Мехрибан преждевременно разродилась... Она была младшей дочерью дяди Рагима... На ее крик посреди ночи весь поселок собрался. Родильный дом далеко, машины нет, как быть?! Только у Ширина киши была машина, но с ним дядя Рагим был в ссоре. Вдруг увидели, как дядя Ширин приехал на машине и сказал: «Рагим, ты и гроша ломаного не стоишь, но дочь твою отвезу, куда надо»... Так и помирились! У дяди Рагима был инфаркт, кажется, когда приезжали в прошлый раз, он в постели был, может, теперь выздоровел...

А вот и море! Мы столько всего вытворяли на берегу моря летом. Ни голос его не изменился, ни вид. Такое же, как и прежде. Наше море... И вода теплая... Эта погода Абшерона – одна сплошная загадка... Так и хочется искупаться. Хотя нет, заболеть еще, а лекарства нынче трудно найти. Потом придется минимум 10 ампул заказывать... А еще обязательно надо купить фильтры для воды. Чтобы пить чистую воду и быть здоровой. Комедия, да и только... Низами был не слабее Хагани... Десять лет обучалась филологии, но эту истину узнала от таксиста. Надо дома рассказать, пусть посмеются... Говорит, диплом ваш поддельный... Это уже перебор... Одну минуту... Одну минуту... Мне надо было, как аптекарша, рассказать им о противогрибковых препаратах. Одну минуту... А-ха-ха-ха... Но день все же хорош... Какой странный у меня нрав... А зима с весной будто в перегонки пустились!

Белая ворона

– Ну, мужик, кажись, наверху о твоей ферме никто ничего не ведает?! Советское государство давно распалось уж, а ты тут держишь пять куриц да пару коров и называешь все это дело фермой...

Коля уже давно привык к подобным шуткам. Еще когда советская власть была в самом расцвете сил, он считался одним из ведущих работников фермы. С раннего утра приходил на работу, ухаживал за животными, поил и кормил их. В полдень покупал и приносил хлеб для работников, разжигал огонь, чтобы те могли приготовить обед. Затем, съев пару кусочков, садился в свой старенький «Москвич». Нет, он отнюдь не был автолюбителем, просто не было другого выхода: развозить молоко в детсады и школы на этой развалюхе кроме Коли было некому. Как только «Москвич», фыркая и кашляя, заводился, его шум раздавался по всей округе. И все знали, что Коля выехал развозить молоко. Ворча и жестикулируя всю дорогу, он на «Москвиче» кое-как доезжал до районного центра. Но бывало, что вдруг посреди дороги машина начинала упрямяться. Вот тогда начинался концерт. Коля выходил из «Москвича» и так сильно хлопал дверцей, что молоко чуть ли не в масло превращалось. Гнев его не утихал, и, открывая капот, он обкладывал этот «кусочек железа» всеми известными ему ругательствами – и на русском, и на азербайджанском.

Деревенские женщины, сразу прикрывающие лица при виде чужого мужчины, не уставали болтать и любезничать с Колей. Только увидев его, собирались вокруг него. Кто хотел молока, кто заказывал курицу... А некоторые втирались в доверие и втихоря брали из машины закваску для сыра. Где бы «Москвич» ни ломался, то место превращалось в настоящий уличный театр. «Электрические» неполадки в автомобиле Коля устранял голыми руками, он отрывал руками провода и зубами зачищал их. Из-за спешки иногда неправильно соединял провода, и они били током его пальцы. Забыв обо всем от боли, он прыгал на месте и вспоминал ругательства похлеще. Деревенская ребятня покатывалась со смеху, получала огромное удовольствие от этих сцен. А Коля сражался с «Москвичом» и на происходящее внимания не обращал. Ведь дети в детсадах и школах ожидали его, он поскорее должен был починить машину и довести бидоны с молоком до места назначения.

Как только машина заводилась, лик его светлел, голова прояснялась, настроение улучшалось. Он даже шутил с окружившей его детворой. Угощал их сладостями и отправлялся в путь.

В долгой дороге хрипы и стоны машины аккомпанировали приятным сердцу песням Коли. Слава Богу, у него был хороший голос. Кроме русских частушек он исполнял азербайджанские народные песни, которые, кроме него, никто так не мог спеть. Когда со своим милым акцентом он пел «Сары гелин», «Кючелере су сепмишем», «Губанын аг алмасы», вся деревня собиралась его послушать. Коля немного смущался устремленных на него взглядов, краснел, но и не прекращал петь.

Прикупив после работы бутылку сладкого вина, он уходил домой... Перед домом у него была маленькая открытая веранда. До глубокой ночи Коля сидел на веранде, потихоньку попивая сладкое, как мед, вино «Агдам» и наблюдая за луной и звездами. А когда у него бывало хорошее настроение, то и песни пел.

Он никогда не оказывал тем, кто приходил к нему за помощью. У него была и любимая поговорка, которую он вспоминал, когда стучали в его дверь: «Верблюда на свадьбу приглашают», – говорил он и покатывался со смеху.

Какая бы ни была проблема – мотор машины неисправен, замок калитки сломался, дрова закончились, тандыр треснул – всем на ум приходил Коля. А раз в месяц Коля приходил на ум всем жителям деревни: в чем причина, никто не знал, но раз в месяц родник высыхал и случалась нехватка воды. Выход из положения знал один только Коля. Где-то наверху он нашел дорогу к роднику. Взяв с собой щепок и проволоки, шел туда. С собой никого не брал, а когда местная молодежь упорствовала, он облагал всех семиэтажными ругательствами и прогонял прочь. Немного погодя он устало спускался, довольно улыбаясь, смотрел на молодых женщин с кувшинами на плечах и на маленьких ребятишек, держащих в руках ковши. Через пару минут из родника с журчанием начинала литься вода, да еще с каким напором. Никто не мог разобраться, что это за чудо, да никто и не осмеливался спросить... Набрав в посуду воды, все рукоплескали виновнику и уходили, говоря: «Чтоб жизнь твоя была как вода». Коле больше ничего и не надо было, он не был алчным, ни от кого ничего не ждал. Было достаточно одной тарелки еды, садился, молча ел, а потом уходил. Если же рядом с едой оказывался стакан водки, то это уж совсем было замечательно. Выпивка сотворяла с ним чудо: лишь только капля попадала на язык, как раскрывался настоящий талант Коли, он начинал петь, читать стихи, обращался к истории, вспоминая прошедшие времена. Рассказывал анекдоты, а затем сам трижды смеялся над каждым анекдотом. Первый раз он смеялся перед анекдотом, затем когда рассказывал его. А в конце, смотря на смеющегося собеседника, сам покатывался со смеху. Каждый раз, когда он смеялся, были видны его щербатые зубы. Да и виновниками того, что он до сих пор не женился, были его зубы, вернее, их почти полное отсутствие. Когда те, кто вел с ним непринужденную беседу, иногда намекали ему, что ищут для него невесту, он сразу протестовал, закрывал тему, говоря: «Вот сделаю зубы, потом». И все прекрасно знали, что дело это трудное, да и не разумное.

Он был очень добрым, приход его в любой дом превращался в праздник, соседи собирались вокруг него и беседовали. Но вдруг, когда он разговаривал и смеялся, тень печали падала на его лицо. И тогда он, быстро распрощавшись со всеми, направлялся к своему закутку. Все прекрасно знали этот его нрав, сколько бы не угваривали, он не оставался. Дети не раз следили за ним и видели, что, оставшись один, он плакал.

Когда советская власть начала разваливаться, ферма тоже пошла ко дну... Какой-то недуг напал на животных, а в стране был хаос, и, сколько бы ни писали наверх, сколько бы ни жаловались, никто не присылал лекарств, и животные умирали одно за другим. Затем стало еще хуже, народ нашел удобный момент и разворовал всю ферму. Те, у кого одна корова или один баран были конфискованы при советской власти, ринулись на ферму и не успокоились, пока не забрали оттуда по пять-шесть коров и овец. Когда все это увидели работники, то каждый, забрав с собой что попало в руки, разошлись кто куда. С трудом Коля сохранил на ферме пару коров, пятьдесят куриц и цыплят. Все, что у него было, отдал на корм и лекарства животным. С тех пор он долгие годы так и живет: смотрит за животными, доит молоко, продает яйца и таким образом зарабатывает себе на жизнь. Так проходили дни, месяцы, годы, он старел, но что-то совсем не менялся, может, это было из-за здешних воды и воздуха. «Москвич» же совсем испортился, заржавел, но все же он помогал ему... И потом люди по тарахтению «Москвича» определяли привоз молока, яиц, гатыга. Коля никогда не назначал цену товару, кто сколько мог дать, столько и давал, и в долг тоже давал бессрочно, даже кредит был, да еще и без процентов...

Коля был любимчиком и Рахман-муаллима. Каждый раз, когда Коля показывался у двери, у мужчины поднималось настроение, лицо улыбалось, он звал его под тутовое дерево, шутил и болтал о том-о сем, переспрашивал то, о чем спрашивал сто раз, и каждый раз раскатисто смеялся над ответами. Рахман-муаллим жил хорошо, поговаривали, что у него хорошая работа в Баку. В дорожной полиции он занимал высокую должность. В летние месяцы он приезжал сюда по субботам и воскресеньям, садился под дерево, пил чай из армуды с сахаром вприкуску, играл в нарды с приятелями, а по вечерам – лей-пей... Приезжая в деревню, набирая пригоршню воды из умывальника, висевшего на дереве, и ополаскивая лицо, мужчина чувствовал, как вся усталость уходила. Вытираясь кипенно-белым полотенцем, он словно освобождался от копоти и сажи, от сплетен и тяжести города. И приход Коли был совсем к месту. Рахман-муаллим теперь так просто его не отпустит...

– Э, мужик, кажись, наверху о твоей ферме никто ничего не ведает?!

Он всегда так начинал беседу. Коля уже привык к таким вопросам. Некоторые он, спокойно улыбнувшись, пропускал.

Коля очень хорошо говорил по-азербайджански. Из-за его замкнутости некоторым казалось, что он плохо знает язык. Но после пары стаканчиков у него развязывался язык, и он щебетал, подобно соловью...

– Жена, ну-ка, приготовь из яиц, привезенных Николаем Мамедшировичем, яичницу с помидорами, да открой тутовую водку, посмотрим, что за вещь такая?

Когда Коля услышал это, у него заблестели глаза. Во-первых, у тутовой водки непередаваемый вкус, а во-вторых, Рахман-муаллим знал толк в выпивке, грех было с ним не выпить. Хозяйка разложила на столе под деревом все, что было в доме.

– Та-а-ак, Новрузов Николай Мамедширович...

Это была привычка Рахман-муаллима, он иногда повторял имена и фамилии тех, кто ему нравился, показывая тем самым внимание и любовь в своем понимании. Он особенно наслаждался именем и фамилией Коли. Ему казались колоритными имя и фамилия человека такой наружности... Это и было одной из тем их бесед. Он сотню раз спрашивал, и Коля столько же раз отвечал, но что толку, то ли Рахман-муаллим не запоминал, то ли просто так, шутки ради, спрашивал. И сейчас, допив стакан, он, улыбаясь, начал разговор:

– Ну, мужик, твое дело чудное, невозможно понять, откуда ты... Новрузов Николай Мамедширович.

– Нет, я не русский, отец азербайджанец, мама татарка...

После этого ответа Рахман-муаллим надолго задумывался, вспомнив, что, кажется, он уже говорил об этом с Колей и даже опечалился от его истории. Но, сколько ни пытался, не мог вспомнить, что именно и почему его опечалило. Не желая портить настроение, он наливал водки и говорил:

– За тебя, Коля, я тебя очень люблю, и молоко детям нравится... Колян, ты человек хороший, – сказав это, залпом выпивал стакан.

– Большое спасибо, Рахман-муаллим. Да убережет Аллах детей твоих.

– Да, мой приятель готов. Раз ты заговорил на азербайджанском, значит все, закончилось... Хотя нет, давай еще выпьем. Ну, расскажи, что за дела творятся...

Так было каждый раз: после пары стаканчиков Коля на чистом азербайджанском заговаривал о прошедших днях, Рахман-муаллим протягивал руку к сигаретам, брал одну и улыбался, сделав затяжку. Иногда он тянул налево-направо ворот старого пиджака, накинутого на плечи, считая, что поправляет его.

– Ради меня, скажи-ка, как ты чинишь тот родник?

Коля, улыбаясь, смотрел, ничего не говорил, проявлял истинно партизанскую выдержку, словно защищал государственную тайну.

– Мужик, у тебя же нет никаких плутовских дел, так чего же ребятам не даешь с тобой идти?

Коля улыбался и отвечал:

– У источников вод змеи водятся, боюсь за детей, если змея ужалит, что мы сможем сделать? – затем протягивая руку к сыру на столе, клал на хлеб и, сказав: – Молодые ведь... – откусывал кусок хлеба.

– Ну так вот, а люди говорят, что у тебя какое-то тайное дело... Слушай, а чего ж ты не женишься? Давай найдем тебе достойную девушку и поженим вас...

Коля сначала мялся, а затем, указав на свои зубы, говорил:

– Я же еще их не сделал... – и опускал голову стыдливо.

– А это тут при чем, что, жена разведется с тобой из-за зубов? Ну что, мне своей сказать, чтобы поиски начинала?

– Да нет, не надо...

– Надо, дорогой, надо. Ради Бога, зубы сюда не впутывай...

– Нет, так некрасиво, сделаю, потом посмотрим...

Каждый раз от подобного рода разговоров настроение Рахман-муаллима поднималось до небес. Он раскатисто смеялся, говоря: «Дорогой мой Коля». Поднимал тост за здоровье Коли, твердя: «Народ у тебя должен учиться подобным вещам». Но Коля до конца так и не понял, чему именно народ у него должен был научиться.

Когда в самом интересном месте беседы у Рахман-муаллима звонил мобильный телефон, его хорошее настроение вмиг портилось.

Вот и сейчас зазвонил мобильник...

– Алло, да... Слушаю. Да, права отобраны, а машина отправлена на «штрафную»... Какое мне дело, чей родственник? Нет, ну ради Бога, при чем тут это, тот человек пьяный сел за руль, нарушил закон, да еще и полицейских оскорбил... И что теперь делать? И скажите этому Гасан-Аге, что Рахман-муаллим говорит, чтобы он научил уму-разуму своих родственников... До свидания! Да пропади все пропадом, не дадут два-три дня отдохнуть, какое мне дело, что чей-то там родственник остался без машины... А ну, принеси-ка еще одну бутылку этой водочки, послушаем, что еще нам расскажет Коля-муаллим.

Жена и дети знали, что если Рахман-муаллим попросил еще одну бутылку, значит, положение сложное. Потому разговаривали с ним осторожно. Наполнили стол дополнительными блюдами, фруктами, закусками. Знали, что хозяин любит изобилие, чай пил с удовольствием, если только перед глазами его было по три-четыре вида варенья. Он и не ест это варенье, просто видеть хочет... А когда спрашивали, говорил, что в детстве столько видел нужды, что теперь не хочет, чтобы дети ее видели...

– Ради Бога, ты ешь... Мне спокойно, когда ты ешь... Ну, расскажи, как же так получилось, что тебе дали имя Николай. Отец наш, а мать татарка, тоже наша...

Коля с трудом проглотил кусок. Затем немного подумав, встал... После того, как его немного пошатало на месте, он смог обрести равновесие...

Рахман-муаллим посмотрел на его стойку, сначала подумал, что Коля обиделся и хочет уйти, а затем понял, что он хочет что-то сказать, и потому подождал. Собравшись, Коля положил руки на спинку стула и серьезно сказал:

– Рахман-муаллим, я сейчас подойду и скажу кое-что тебе на ухо, а затем сяду

на место... – сказав это, он почему-то остался стоять на месте и смотрел, будто ожидая приказа.

– Слушай, ты, кажется, пьян? И зачем на ухо? Так скажи, что хотел...

– Нет, клянусь, я не пьяный... Сейчас отправлюсь на ферму и ни один человек не поймет, что я пил.

Только Коля это сказал, Рахман-муаллим разразился смехом. Хлопнув рукой по столу, захохотал.

– Ты знаешь, сколько таких за день ловят наши ребята? От запаха водки близко подойти нельзя, на ногах еле стоит, да еще машину водит, закон нарушает, но не признается, что выпил... – Коля немного смутился, ни на место не сажился, ни слово свое не говорил... – Да не обижайся ты, ради Бога, пошутил я просто, сядь, скажи, что хотел, кто нас подслушивать будет?

Коля прошел и сел на место... Немного сконфуженный, немного обиженный, но слово свое сказал наконец:

– И моего отца, и мою мать сослали в Сибирь... Я тогда совсем маленький был, ничего не помню... Одна русская женщина взяла меня к себе и растила, имя мое сменила, дала мне имя своего отца... Как говорят, счастье привалило...

– Так, а почему родителей в Сибирь выслали?

– Говорю же, мама была татарка... Отец же был образованным, увидел ее, понравилась, вот он ее и похитил. Во время репрессий соседи написали донос, будто они пишут турецко-татарскую книгу, вот бедняг и выслали... Ну, а я вот так...

– Бога ради, не порть настроение себе...

– Да нет, лучше я домой пойду... Уже поздно!

Это состояние Коли многим было знакомо, он поджимал нижнюю губу, как ребенок, а потом, собравшись, быстро уходил. Неизвестно, что его так огорчало... И теперь Рахман-муаллим словно потерял нить разговора. Вновь ему на помощь пришла водка, он наполнил стакан Коли, но себе не налил, когда у него портилось настроение, он не мог пить.

– Николай Мамедович, ну у тебя и словечки... – Это Рахман-муаллим говорил просто так, ради красного словца. И когда Коля замолкал, и когда он отдавал молоко и уходил, он должен был переброситься с ним хотя бы парой фраз... Когда он это сказал, ему кое-то пришло на память... Спел один куплет: «Qubanin aǵ alması, ıetəuə baǵ alması, yarım gələnə qalib yarımın saǵalması...» (Лишь в Кубе яблоки белые, лишь в садах яблоки спелые, лишь с приездом возлюбленной рана моя излечится). Потихоньку и Коля присоединился к нему, положила руку на бровь, он повысил голос «Sevirəm yar, səni mən yar, sevirəm yar, yar» (Люблю тебя любимая, люблю, любимая, люблю) – продолжил песню... Чем больше Рахман-муаллим говорил ему «Дорогой Коля, родной Коля», тем выше и усерднее он пел. Позже песня окончилась, и Коля даже не понял, почему Рахман-муаллим смеется.

– Ты только не спеши. Сейчас скажу, чтобы дети вскипятили самовар. Хорошо сидим, погода отличная, водка есть, и настроение отличное... – только сказал Рахман-муаллим, как телефон его опять зазвонил. Он посмотрел на экран, вначале не хотел отвечать, но затем, сказав «черт же тебя подери», нажал кнопку: – Алло... Я же далеко, когда я туда доеду. А что такое? Какая объяснительная? Пожаловался? На меня? Хмм... Приеду в понедельник, поговорим...

Отложив телефон в сторону, Рахман-муаллим замолчал. А затем ему будто что-то вспомнилось:

– Помнишь ту песню?

Каждый раз речь шла о разных песнях, но каким-то образом Коля понимал, о какой... Снова положив руку на бровь, он запел:

*Нерадивая, гордая, смелая,
Но уродиной звали ее.
Потому, что была она белая,
Не такая, как все воронье.*

Коля пел и к нему присоединился Рахман-муаллим.

– Коля, дорогой, как хорошо, что ты напомнил мне эту песню. Песня нашей молодости как-никак... Белая ворона? Говорят, раз мы черные, то и ты такой должна быть... Помнишь, в конце песни они бросают белую ворону в болото, чтоб она почернела... Ах, как написал, а...

Пока Рахман-муаллим говорил, Коля улыбался, но и петь не прекращал. Временами они присоединялись друг другу и пели дуэтом. Домашние смотрели, стоя поодаль, не осмеливаясь приблизиться, знали, что Рахман-муаллим не любит такие вещи... Вдруг Коля замялся, прекратил петь и вскочил.

– Рахман-муаллим, я должен идти... Поздно уже, пойду я, спасибо за водку... – сказав это, он поднял вверх большой палец: – Высший сорт!

– Напрасно ты торопишься... Нам надо о многом побеседовать. Хотя нашим с тобой разговорам нет конца и края. Ну хорошо, дай встану, провожу тебя...

Выйдя к дверям, Рахман-муаллим увидел старый «Москвич» и разразился смехом:

– Мужик, ну, ты даешь... Не знаю, как ты только сохранил эту развалюху... Они, наверное, ровесники с моим покойным отцом. Но – только между нами – ты поддачный, так сядешь за руль? У такого, как ты, мы права отбираем... Нет, слушай, может, машину здесь оставишь, тебя дети отвезут...

– Нет, нет, не беспокойся. Сто раз так ездил. Не проблема... Доеду, трезвый я...

– «Трезвый я», как же, посмотрите на этого трезвого... – и пропел:

*Если мы черны, если мы черны,
Будь и ты черна, будь и ты черна.*

Песня крепко засела в голове Рахман-муаллима, он то и дело напевал ее... Кое-как оторвавшись от него, Коля сел в машину. А еще, высунув голову из машины, поблагодарил за все.

– Слушай, ты иногда в Баку ездешь? Ни в коем случае, выпив, не езжай в город, я ничего не говорю только потому, что ты тебе ехать недалеко... Но если в Баку какая проблема с ГАИ будет, набери мой номер, у тебя же есть моя визитка...

– Хорошо, на днях поеду... Если что, позвоню... Я пойду, а вы уж отдохните... – сказав это, Коля завел машину, и все вокруг заволочило черным дымом...

– Ее дым опаснее, чем дым с химического завода, так ты нас задушишь... Ну хорошо, до свидания, благополучно добраться... Бог в помощь...

На следующее утро Коля встал рано и подготовился к поездке, погладил сорочку и брюки. Он должен был ехать в Баку. Работница с почты сказала, что в городе, рядом с кафе «Наргиле», работает хороший зубной врач. Правда, доехать до Баку на этой рухляди – дело отнюдь не легкое, и все же Коля отправился в путь...

Хоть по дороге он несколько раз и разозлился, но «Москвич» все же довез его до Баку. Коля хорошо знал город, еще с детства он часто приезжал сюда с той русской женщиной, а затем сам приезжал и забирал вещи, выделенные для фермы, был очень шустрым, за день мог обойти весь город... До «Наргиле» оставалось совсем немного, он столько раз здесь ел да пил... Ну вот, приехали, дорожный полицейский, повертев своей дубинкой, остановил его... он свернул к обочине и нажал на тормоз... Вышел из машины.

– Начальник, я разве нарушал?

– Сержант Алиев... Прошу предъявить документы...

– А что такое?

Такое равнодушное отношение Коли разозлило сержанта.

– Что такое, из машины валит черный дым. А ты не знаешь, что по новым законам штраф за это подняли?

– Хм, отремонтирую...

– Что ты собираешься ремонтировать, это же просто рухлядь, лучше подари ее музею...

Коля обиделся на эти слов, будто дитя малое... Немного смутился, не нашел, что сказать. Он смотрел то на ржавую машину, то на разъяренное лицо полицейского. Да, кажется, и на этот раз не получится разобраться с зубами.

– У меня нет времени, дай документы, напишу и уйду...

– Слушай, а ты знаешь Рахмана Алескерова?

– Нашего начальника? Ты так не шути, старик... Конечно, знаю... а что такое?

– Да так, он друг мне... Не веришь, дам номер, позвони, поговори. – Сказав это, Коля достал из кармана визитку. – Вот, это его номер, набрать?

– Кто он тебе?

– Друг... Подожди...

Коля достал из футляра на ремне мобильный телефон, такой же дряхлый, как «Москвич», уставился на экран, сузил глаза и набрал номер.

– Здравствуйте, Рахман Алиевич... Это я, да, в Баку... К зубному... Гаишник остановил... Говорит, машина дымит... Мой «Москвич», что с ним сделаешь... Ну хорошо, я передаю трубку.

Взяв трубку, сержант Алиев вмиг побелел... Только и смог выговорить: «Так точно, так точно, Рахман Алиевич». Затем отдал трубку Коле со словами: «Он хочет с вами поговорить». Коля приложил трубку к уху, сначала улыбнулся, затем замер, но ничем себя не выдал. Рахман-муаллим не стал затягивать и сразу сказал:

– Я поручил ему проводить тебя прямо до «Наргиле», никто тебя не потревожит. Но смотри, больше не нарушай, этим утром дали приказ, меня уволили...

Коля удивленно спросил:

– А что же вы сейчас делаете?

– Что делаю? Играю в нарды со своим соседом, опять у него «шешу беш»... Ну, дает, не идут ко мне сегодня кости...

Коля застыл на месте с трубкой в руке, из трубки доносились звуки костей и шашек, а еще кто-то напевал.